

ВАЛЕРИ БОУМЕН

ГОСТИНИЦА «ЯБЛОНЕВЫЙ САД»

перевод
Олеси Мирошниченко

18+

роман

МИОО

Валери Боумен
Гостиница «Яблоне́вый сад»
Серия «Любовь в
маленьком городе (МИФ)»
Серия «МИФ Проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74450681

*Гостиница «Яблоне́вый сад» / Валери Боумен: ООО «МИФ»; Москва;
2026*

ISBN 9785002812745

Аннотация

Еще вчера у Элли Лоусон была идеальная жизнь: работа мечты в большом городе и уверенность в завтрашнем дне. Но все меняется в один миг. После несправедливого увольнения и болезненного расставания Элли возвращается домой – в уютную гостиницу «Яблоне́вый сад» в городке Харвест-Холлоу, где она надеется переждать трудный период и начать жизнь с чистого листа.

Гостиница переживает не лучшие времена, и теперь Элли и Эйдену – упрямому и невероятно привлекательному сыну владельцев сада – предстоит организовать осенний фестиваль урожая, чтобы спасти семейный бизнес. Но чем больше времени

Элли и Эйден проводят вместе, тем сложнее понять, что между ними: соперничество, старая обида или начало чего-то нового?

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	26
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валери Боумен
Гостиница
«Яблоневый сад»

Original title:

THE HONEYCRISP ORCHARD INN

Valerie Bowman

На русском языке публикуется впервые

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

Книга не пропагандирует употребление алкоголя.

Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2025 Valerie Bowman

THE HONEYCRISP ORCHARD INN. Copyright © 2025 by June 3rd Enterprises, LLC. All rights reserved.

Published by arrangement with Avon, an imprint of HarperCollins Publishers.

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «МИФ», 2026

* * *

*Моей родной деревне Рантул в штате Иллинойс
– моему личному Харвест-Холлоу*

Глава 1

– Элеонор, ты уволена.

Мне требуется всего мгновение, чтобы слова дошли до меня и обрели хоть какой-то смысл. Я на девяносто девять процентов уверена, что у меня получилось сохранить лицо, несмотря на панику, которая разгулялась внутри, не поддаваясь контролю.

Мне послышалось или Стив Гиббонс, *уже семь лет как мой босс*, сказал, что уволил меня? Этого не может быть, и все же...

Один взгляд через стеклянные двери конференц-зала на

овальный глянцевый стол коричневого цвета все подтверждает. Там сидят и с жалостью посматривают на меня трое наших клиентов, руководителей компании Bolt Hotel Group. Они только что слушали мою презентацию. Ту самую, над которой я работала все лето. Работала до того момента, пока Стив не попросил отойти с ним в коридор, чтобы поговорить наедине.

Стив смотрит на меня прищурившись. Он делает это каждый раз, когда изображает заботливого начальника. Точно так же он смотрел, когда я сказала, что у меня умер дядя и мне нужен отгул. Джефф, мой коллега и уже *двенадцать часов как* бывший парень, наклонил голову, сложил пальцы домиком перед грудью и закивал с притворным сочувствием. Я узнаю этот взгляд. Такое же представление он разыгрывал перед дамами в приюте для животных прошлой весной, когда мы вызвались помочь и ему рассказали, как много собак нуждаются в доме. Чертов. Лжец. Джефф даже не любит собак, у него на них аллергия. Он согласился помочь только по просьбе Стива, и то ему пришлось выпить убойную дозу антигистаминных, которые в итоге его и вырубили. Да и вообще мне не следовало встречаться с мужчиной, который складывает пальцы домиком. Это выглядит нелепо.

– Я... не понимаю. – Три слова, которые я не желала говорить, вырвались сами собой, пока я пялилась на конференц-зал. Красноречиво. Профессионально. На пять звезд.

– Я сгораю со стыда, – качает головой Стив. – Если бы я

знал, что ты планируешь полностью скопировать презентацию Джеффа, то никогда не позволил бы тебе выступить перед Bolt Group.

Секундочку. Что?

– У Джеффа была презентация? – Я думала, он просто слушал мое выступление. Моя презентация, как и было намечено, началась ровно в девять утра. О чем, черт возьми, говорит Стив?

– Да, она прошла в восемь. Я думал, ты знаешь, – отвечает Стив, бросая на меня взгляд, который можно описать только как снисходительный.

– Прошла в восемь? Думал, что я знаю?

Судя по всему, все, что я могу, – это повторять услышанное, как попугай при полном параде. И я действительно выгляжу хорошо. С этим у меня порядок. Ради презентации я надела костюм – брюки прямого кроя, тонкая блуза небесно-голубого цвета с каплевидным вырезом и пиджак на одной пуговице. Я на каблуках – на *дорогих* каблуках. Все серьезно.

Этот проект мой по праву. Три месяца я работала над мероприятием в честь запуска нового бренда компании Bolt Hotel Group. Крупнейшая сеть отелей в стране выбрала нашу фирму, GMJ Events, и Стив доверил этот проект мне. Спустя годы свадебных мероприятий, бар– и бат-мицв¹, а также

¹ Празднование совершеннолетия в иудаизме. Мероприятие для мальчиков называется бар-мицва, для девочек – бат-мицва. *Прим. пер.*

мелких корпоративов мне наконец-то выпал шанс оказаться в Высшей лиге. Bolt Hotel Group владеет более чем восемью тысячами отелей и двадцатью брендами. Это масштабно.

Я до мельчайших деталей распланировала презентацию их нового бренда Barn and Branch. Компания скупит гостиницы в маленьких городах по всей стране и переделает в своем особом стиле. Ночь в роскошном номере их отеля стоит от тысячи долларов. Мероприятие должно пройти без сучка без задоринки – и так и будет. Именно так я его организовала.

В кувшинах для молока – полевые цветы. Каждый стол застелен плотной скатертью цвета слоновой кости, и на нем золотые столовые приборы и маленькие стеклянные подсвечники с горящими свечами, источающими аромат пряной тыквы. И повсюду будут круглые и продолговатые тыквы, они создадут атмосферу праздника урожая и изобилия. Я продумала каждую мелочь, вплоть до запеченного лосося с хрустящей корочкой в соусе песто, хлебного пудинга с печеными яблоками и подтаявшим белым шоколадом. Совершенство вкуса, чтоб его.

Сегодняшняя встреча должна была быть просто формальностью. Встречей для галочки. Стив заверил меня, что проект уже наш. Все уже было готово, черт возьми, а теперь я уволена? Что произошло после того, как я вечером ушла с работы и вошла сегодня утром в конференц-зал? Кроме того, что Джефф меня бросил?

– Я понятия не имела, – завершила я Стива. – Что происходит?

Стив снова прищурился, да еще и поморщился.

– Элеонор, послушай. Я не хотел устраивать сцену перед нашими клиентами, но Джефф рассказал мне, в чем дело.

– *В чем дело?*

Я нахмурилась. Неужели Джефф рассказал ему, что мы вчера вечером расстались? После четырех лет отношений и двух лет совместной жизни он без церемоний бросил меня перед моей самой важной презентацией. Просто хуже некуда. Я еще не пришла в себя, но после просмотра депрессивного документального фильма о стремительном росте уровня деменции в США и пары часов сна на неудобном диване из «Икеи» в нашей общей квартире я собиралась временно забыть об этом, чтобы успешно провести важнейшую презентацию в моей карьере.

– Стив, я в порядке. Правда. То, что произошло вчера вечером, никак не повлияет на мою работу. Я...

– Элеонор, мне кажется, ты не понимаешь. – Стив опускает руку мне на плечо и слегка сжимает его, пытаясь успокоить меня. – Джефф предупредил нас. Он подумал, что твоя презентация может быть очень похожа на его.

– Что за?.. Я не...

– Я сомневался в его словах, – перебивает Стив, – но затем ты принесла свою, и она оказалась скопирована практически слово в слово. Это плохо влияет на наш имидж, Элеонор.

Я знаю, у меня все написано на лице. Мне никогда не удавалась невозмутимость.

– Он *что*, прости?

– Послушай, Элеонор, – продолжает Стив. – Мы работаем в условиях высокой конкуренции. Я понимаю, что это может быть жестоко, но в GMJ не терпят такого поведения. Выдавать презентацию коллеги за свою, – он печально качает головой, – это основание для увольнения.

Что за ерунда? У Джеффа не было никаких идей. И я точно не крада ни одну из них. На самом деле, если кто и копировал что-то, так это Джефф. Судя по всему, именно это гаденыш и сделал. Он слушал мое выступление раз пятьдесят. Он знал все детали. Он был рядом, когда я день за днем связывала все воедино. Я репетировала перед ним свою речь каждый вечер в течение последнего месяца, чтобы узнать его мнение.

Перед глазами все поплыло. Можно ли ослепнуть от ярости? Похоже, что да.

– На этом всё? Ты просто взял и уволил меня. Даже не дашь объясниться? Что, если это Джефф украл *мою* презентацию?

Я не хочу быть непрофессиональной, но не собираюсь сдаваться без боя. Я должна хотя бы попытаться раскрыть правду.

Стив морщится, притворяясь, что ему не все равно, но даже не старается. И снова этот вздох.

– Я бы поверил тебе, если бы последний месяц Джефф не закидывал меня идеями. Мы с ним уже давно обсудили весь план с начала до конца.

Я зажмурилась и схватилась за переносицу.

– Джефф уже месяц как делился с тобой деталями плана?

Все это действительно происходит со мной? Это не какой-то там тест, чтобы узнать, как организатор мероприятий отреагирует на ситуацию, где бывший украл ее идею? Я участвую в реалити-шоу и не знаю об этом?

– Именно. И план блестящий. Я понимаю, почему ты предпочла его, а не свой.

Я поджимаю губы. План *действительно* блестящий. Потому что *я его придумала*. Я довела до совершенства каждую деталь. Белые тыквы для декора и коктейль «Горячий Тодди» с палочками корицы. Катание на самых настоящих повозках с сеном, запряженных самыми настоящими лошадьми, чьи гривы заплетены прелестными оранжевыми бантами. Я посвятила Джеффа, мать его, Харрингдона в каждую деталь плана только для того, чтобы он украл его у меня.

И тут до меня дошло, как обухом по голове прилетело. Я начала вспоминать постоянные переглядки Стива и Джеффа, или их смех над дурацкими гандикапами в гольфе, или понятные только им шутки про студенческие братства. Я прекрасно понимала, что эта компания чисто мужская. Но ведь GMJ – лучшая в городе компания, которая занимается организацией мероприятий. Любой менеджер хочет здесь

работать. Я думала, что уже доказала свою ценность, но тут Джефф устроил мне отличную подставу. Он кормил моими идеями Стива целый месяц, чтобы разрушить мою репутацию и выставить все так, будто это *он* все придумал. А я тем временем держала свои наработки в секрете, чтобы поразить и клиентов, и Стива одновременно. Сегодня. Это должно было произойти сегодня.

Я с трудом делаю вдох, красная пелена застилает глаза.

– Семь лет я работала здесь по шестьдесят часов в неделю, и вот благодарность, которую я получаю?

Ладно. Меня можно наградить олимпийской медалью за эту клишированную фразу, но я рада сказать хоть что-нибудь, сказать *что угодно*, чтобы получить хоть какое-то удовлетворение.

Я отказывалась от выходных из-за важнейших мероприятий компании. Я пропускала встречи с семьей, чтобы остаться хорошим сотрудником. Я несколько лет подряд не приезжала домой на День благодарения. Вместо этого я везла яблочный пирог на званый ужин, который Стив устраивал для руководства компании, и еще должна была благодарить за это приглашение.

– Ты была ценным сотрудником, я понимаю, – говорит Стив. – Давай отнесемся к этому профессионально. Я сейчас позвоню в отдел кадров. Ты можешь зайти к ним, и они расскажут тебе обо всех деталях твоего увольнения.

Детали моего увольнения? Да мне плевать на них.

– Могу я хотя бы забрать вещи? – спрашиваю я, показывая на дверь нашего офиса в конце коридора. Мне нужна моя ярко-розовая бутылка для воды и серый свитер, который висит на спинке стула на случай, если я замерзну под кондиционером.

– Не думаю, что это хорошая идея, – качает головой Стив. – Если ты не против, я могу отправить их с Джеффом.

– Не утруждайся, – фыркаю я. – Джефф бросил меня вчера вечером. Я переезжаю.

Мой голос идет вверх, и я краснею – лицо прямо пылает. Вот так. Я даю Стиву поразмыслить над *ситуацией* пару минут. Если план мероприятия был разработан Джеффом, то зачем ему бросать меня? Да только Стив решит, что Джефф ушел от меня, потому что я украла *его* потрясающую идею. Блин.

Стив прочищает горло.

– Элеонор, не закатывай сцены. Ты же не хочешь сжечь все мосты?

Не закатывай сцены?

Он действительно сказал это?

Что-то внутри меня ломается. Плевать мне на мосты, я хочу, чтобы полыхало все здание и в первую очередь – дурацкий жилет Стива. Я годами хотела высказаться про эти его офисные жилеты. *Время пришло*. Я разворачиваюсь на каблуках и быстрым шагом иду к лифту, крикнув на ходу:

– Стив, ты не волк с Уолл-стрит. Выбрось эти жилеты.

– Удачи тебе, Элеонор, – раздается за спиной спокойный и такой же фальшивый голос Стива. – Надеюсь, у тебя все наладится.

Надо отдать мне должное, я сдерживаюсь и не показываю ему средний палец. Я жду, когда откроются двери лифта и я скроюсь внутри, и только потом чувствую, как подкатывают слезы. Почему я плачу, когда злюсь? Я не хочу быть нытиком. Я хочу *побить* этих придурков.

А вот и слезы, как по заказу.

Твердо решив держать себя в руках, я одергиваю край пиджака, откашливаюсь и поднимаю голову. Выдыхая, я смотрю на свое отражение в металлической двери лифта. Немного размыто, но я не *похожа* на человека, которого только что уволили. Мои прямые каштановые волосы до плеч уложены безупречно. Темно-розовая помада не смазана, а светло-карие глаза хоть и полны слез, но пока ни одна не пролилась. Пока.

Я надеюсь, лифт нигде не остановится по пути на первый этаж. Мне не нужно, чтобы кто-то зашел и увидел мои мокрые глаза. Повезло, что сумка и ключи от квартиры со мной. И не буду я заходить в отдел кадров. Никуда не буду заходить. Я пойду...

Пойду...

Чтоб его. Я не могу пойти домой. Это уже не мой дом. Я переехала к Джеффу, и договор аренды оформлен на его имя. Мы с ним договорились, что я съеду при первой же воз-

возможности.

Куда мне идти?

Лифт останавливается на первом этаже, я выхожу в просторный, отделанный мрамором холл, когда у меня звонит телефон. Мама. Мне становится стыдно. Последнее, чего мне сейчас хочется, – это объяснить, что произошло. Она-то хотела, чтобы я осталась дома, в Харвест-Холлоу на Лонг-Айленде, и работала в гостинице, которая принадлежит им с папой. В детстве мне нравилось думать, что я буду работать с родителями. Но ближе к окончанию школы я начала мечтать о приключениях в большом городе. Харвест-Холлоу – маленький городок, а меня манили возможности мегаполиса. И мне здесь нравилось... до сегодняшнего дня.

Теперь, когда я думаю об этом, мне вспоминается, как мама предупреждала: на Манхэттене каждый сам за себя. Я отмахивалась от ее слов, как и от совета положить перцовые баллончики в каждый ящик в квартире. Куда мне столько баллончиков?

Глубоко вдохнув и выдохнув, я ответила на звонок. Что мне еще оставалось?

– Привет, мам.

– Привет, Элли. Как у тебя дела?

Она упорно продолжает звать меня Элли, как и все остальные дома. Устроившись в компанию, я стала представляться полным именем – Элеонор. Мне казалось, что это профессионально. Что это похоже на имя будущего партнера.

– Да все... хорошо. Ты как?

– Я знаю, ты занята, но...

Каждый наш разговор мама начинает с этих слов.

– Я знаю, ты занята, но миссис Тимкинс устраивает гаражную распродажу на этих выходных, и я хотела узнать, вдруг ты захочешь поучаствовать...

– У тебя плотный график, но в театре Харвест-Холлоу ставят «Музыканта», и я подумала, что тебе бы понравилось...

Я всегда отказываюсь. Я всегда очень занята.

Но в этот раз она добавляет:

– ...нам нужна твоя помощь с мероприятием.

Подождите. Что это было?

– *Мероприятием?* – повторяю я.

За время разговора я прошла через холл и смотрю через толстое стекло окон на утренние пробки Мэдисон-авеню. Меня бросили и уволили, но зато в конце сентября ярко светит солнце. Секундочку, там что, тучи вдалеке?

Ну да, так и есть.

– Ага, мы с твоим отцом и Паркерами решили, что гостиница и сад примут участие в осеннем параде урожая. И еще подумали провести фестиваль урожая в эти же выходные. Я сказала Лин, что попрошу тебя о помощи.

Лин Паркер – владелица яблоневого сада и земли, на которой стоит гостиница родителей. Паркеры с родителями на-

чали вести совместные дела еще до моего рождения, поэтому наши семьи очень близки. Я росла вместе с двумя детьми Паркеров, Эйденем и Шарлоттой. Эйден старше меня на год, а Шарлотта младше на несколько лет. Кажется, она была в восьмом классе, когда я окончила школу. Как это бывает с детьми, чьи родители близко дружат, мы с Эйденем были неразлучны. Но как только началась старшая школа, мы с ним стали слишком разными. Я была участницей школьного совета, круглой отличницей, королевой выпускного бала, Эйден же был кем-то из разряда членов «Будущих фермеров Америки»². Кажется, он еще был президентом клуба столярного дела или что-то вроде того. Он никогда не ходил на школьные танцы и был противником школьных мероприятий. Я поступила в университет в мегаполисе, а Эйден... Даже не знаю. Последнее, что я слышала: он вернулся в родной город и работает в саду, ухаживая за деревьями. И Шарлотта работает где-то там же. Я не особо следила за новостями с тех пор, как уехала.

– Я сказала Лин не надеяться, – продолжает мама.

Я хмурюсь:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь. У тебя много дел, дорогая. Я понимаю.

У меня *правда* много дел. По крайней мере, было в те ты-

² «Будущие фермеры Америки» – общественная организация, основной целью которой является развитие навыков лидерства у молодежи, стремящейся сделать карьеру в сельском хозяйстве. *Прим. пер.*

сячи раз, когда мама звонила и приглашала приехать домой, в Харвест-Холлоу, штат Нью-Йорк. А в данный момент я определенно свободна... и без крыши над головой. Значит, под предлогом помощи родителям я могу приехать и пожить в гостинице. И мне не нужно будет признаваться, что меня уволили и бросили. Я все расскажу им позже.

– Мама, тебе повезло! – говорю я. – Я только что закончила работу над большим проектом, поэтому какое-то время буду свободна. – Чем туманнее, тем лучше.

– Правда? – в мамином голосе звучат радость и удивление. Я чувствую себя виноватой.

– Ага.

– О, это замечательно. Ты сможешь пожить наверху, в мансарде, – говорит она.

Мансарда – это двухкомнатные апартаменты под самой крышей. Как и остальные номера, он милый и уютный, пахнет корицей и гвоздикой. Когда я приезжаю домой, что, признаться, бывает нечасто, всегда останавливаюсь там. Я уверена: мама и папа обустроили мансарду для меня, чтобы я могла жить там, когда окончу колледж. Так что я считаю ее своей.

– Когда ты сможешь приехать? – сразу спрашивает мама.

– Как насчет сегодня вечером?

Почему бы и нет? У меня нет денег на отель. Сбережения мне понадобятся, чтобы снять квартиру и на жизнь, пока я не найду новую работу. Второй вариант – остаться у моей

лучшей подруги Марии. У нее маленькая студия в Челси. Конечно, она разрешит поспать у нее на диване, но ее гостеприимство будет приправлено словами: «Я же тебе говорила». Она всегда терпеть не могла Джеффа, особенно то, как он произносил свое имя. Я много раз объясняла ей, что так говорят его родители, а не он, но ей все равно.

– Вечером? – повторяет мама ошеломленно, как будто я сказала, что она выиграла дом мечты в программе HGTV³, в которой испытывает удачу каждый год. – Это просто замечательно, дорогая. Мы с твоим отцом пойдем в Лосиный домик, но ключи от твоего номера будут на стойке регистрации.

Лосиный домик – самое популярное место в нашем городке для людей в возрасте (и для Донни Бриггса, который работает в гостинице и помогает гостям). Мама и папа (и Донни) никогда не пропускают бинго в домике, хотя Донни – единственный участник младше пятидесяти.

– Звучит классно, мам. Я сяду на поезд и буду где-то к

³ «Дом мечты» (HGTV Dream Home) – американское телешоу на канале HGTV (Home & Garden Television). Суть программы в том, что каждый год в каком-нибудь живописном месте (например, на Мартас-Виньярд, Кейп-Код и т. д.) строят особый дом. Его создает команда экспертов, чтобы он не только красиво выглядел, но и отражал местную архитектуру, культуру и историю. Шоу показывает весь путь: от закладки фундамента и решения сложных задач (погода, рельеф, согласования, бюджет) до финального результата. После съемок этот дом разыгрывают в конкурсе среди зрителей. Участники могут выиграть не только сам дом, но и дополнительные призы – деньги, автомобили. *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

девяти.

– О милая, твой отец будет счастлив. Лин и Кевин тоже.

Я уверена, что Паркеров не волнует, приеду ли я. Но я не собираюсь говорить этого маме. Вместо этого я благодарю свою счастливую звезду, что мне есть куда податься и не нужно сразу объяснять родным, в какой ад превратилась моя жизнь.

Осенний фестиваль урожая – это, конечно, не грандиозное шоу Bolt Hotel Group, но тоже мероприятие. Должно быть, весело для разнообразия организовать что-то небольшое и спокойное. Не говоря уже о том, что я могу сделать это с закрытыми глазами... не в том смысле, что я их действительно закрою. Нет, я буду смотреть в оба, потому что у меня правило: если делать, то делать хорошо.

– Тогда увидимся утром, мам, – говорю я и отключаюсь.

Я делаю глубокий вдох перед тем, как забежать во вращающуюся дверь и в последний раз выйти отсюда. Странно думать об этом. Я выхожу на улицу, в шумный и плотный людской поток, обычный для утра среды на Манхэттене. Я смотрю на свои смарт-часы – почти десять утра. Сначала вернусь в квартиру и соберу вещи. Я пробуду там столько, сколько понадобится, чтобы собрать все. И возможно, устрою перестановку в кладовой с продуктами, чтобы банки перемешались с коробками. Джефф будет в ярости. Мелко, зато правильно. И больше никаких задержек. Потом я напишу Марии, что уеду ненадолго. Остальное расскажу ей позже, же-

лательно, когда мы будем пить коктейли в нашем любимом баре.

Проснувшись сегодня утром, я и подумать не могла, что к вечеру буду ехать в Харвест-Холлоу. А сейчас я на пути домой.

Глава 2

Спустя двенадцать часов я тащусь к гостинице «Яблоневый сад» – по колено в грязи, промокшая до нитки, в шляпе, пальто, шарфе и с большим чемоданом. Эта грязь была здесь всегда или появилась только сегодня? Как будто для плохого дня было недостаточно расставания, увольнения, долгой поездки в вонючем поезде, который к тому же еще и задержали, и *дождя*! Грязь – отличное дополнение, правда. Мирозданию пять с плюсом.

Осталось только...

А вот и оно. Сначала я слышу характерное «ме-е-е», а по-

том Мисс Гвиневра с разбега врезается мне в бедро. Я лечу в кучу грязи и приземляюсь туда левым боком с громким «уф».

– Рада тебя видеть, Мисс Гвин, – говорю я козе, которая смотрит на меня сверху вниз, продолжая блеять и что-то пожевывать.

Здесьний сад также является действующей фермой. Во время учебного года сюда привозят школьников на экскурсии, поэтому, помимо других животных, Паркеры решили завести коз. Я слышала, что дети их любят. А вот отношения коз и усталых путешественников – уже другая история. От мамы я знаю, что козы подвергают своих владельцев всевозможным унижениям: плевкам, воровству и моему «любимому» боданию и сваливанию с ног. Безудержное веселье. Будто ты живешь с вредным игроком-полузащитником, который постоянно выскакивает из ниоткуда без предупреждения.

По части бодания Мисс Гвин лучшая из лучших. Маме с папой из-за нее пришлось увеличить страховку.

Ага. Специальная козья страховка. И такое бывает.

Я с трудом встаю на колени и, опираясь на чемодан, поднимаюсь из слякоти. Ох, славно. Если до этого мне было мало грязи, то сейчас в самый раз. Она везде: на шерстяном пальто, на прелестных замшевых сапожках, которые мне, очевидно, не стоило надевать, и на джинсах в стиле семидесятых. Я купила их в бутике в Сохо.

Мисс Гвиневра ускакала прочь, наплевав на моду. Навер-

няка уже планирует следующее нападение.

Я поднимаю голову и смотрю на гостиницу. Несмотря на грязь перед входом, она выглядит как на картинке. Большой фермерский дом, белоснежный, с осенними венками из оранжевых листьев и шишек, с горящими свечами в окнах, тыквами, разбросанными вдоль балюстрады, белыми деревянными креслами-качалками и белыми кашпо с желтыми и оранжевыми хризантемами. Настоящая пастораль. Хотя это и крохотная часть маленького городка, но она, несомненно, прекрасна.

И это мой дом.

Может быть, кому-то покажется странным жить в гостинице, но я не знала другой жизни. Папа обустроил для нас двухкомнатную квартиру позади стойки регистрации. У меня была своя комната, и я росла, помогая родителям. Неотъемлемой частью моей жизни были уборка и обслуживание номеров. Но больше всего мне нравилась организация мероприятий. Если кто-то играл свадьбу или устраивал вечеринку по случаю рождения малыша, я умоляла маму позволить мне помогать. Я действительно думала, что останусь и буду заниматься мероприятиями гостиницы, но это было до того, как я поняла, что за ее стенами существует огромный мир.

В доме горят огни, и мягкий теплый свет проникает в дождливую, промозглую ночь. Сожаление давит на сердце. Много времени прошло с тех пор, как я была здесь в последний раз, слишком много. Сожаление превращается в тупую

боль, когда я вглядываюсь в окна, словно чужая. Здесь все такое домашнее и уютное – клетчатые рубашки, горячий чай и теплые носки. И я скучала по этому. Скучала по этому месту.

Последние Дни благодарения я проводила в гостях у Стива и Барбары, а затем оставалась в городе, чтобы работать. Последние четыре Рождества я гостила у семьи Джеффа в Коннектикуте. Он уверял меня, что мать не сможет праздновать без сына. Вдобавок он никогда не изъявлял желания провести время с моими мамой и папой. Они виделись, когда родители были в Нью-Йорке, и еще пару раз после этого, но Джефф никогда не навещал их здесь, в Харвест-Холлоу.

Я придумывала оправдания, почему Джефф не приезжает. Мне было стыдно говорить родителям, что ему все равно. Но приезжать сюда и каждый раз объяснять, почему я без Джеффа, убивало всякое желание навещать родителей, и в конце концов я просто перестала это делать. Прошло действительно много времени с тех пор, как я была здесь в последний раз.

С тех пор я видела родителей... всего однажды. Они приезжали в Нью-Йорк, чтобы успеть посмотреть «Призрака оперы» до того, как мюзикл снимут с репертуара. Папа был большим фанатом «Музыки ночи», главной арии Призрака. Мы поужинали перед представлением, и на следующее утро я сводила их в свое любимое место на поздний завтрак и коктейль «Мимоза». И это было... Когда? Больше года назад?

Больше двух лет? Я морщусь: нехорошо.

Ладно, проехали. Сейчас я здесь, и как раз накануне лучшего сезона в этом месте. Листья уже окрашиваются в оранжевый, а в воздухе чувствуется холод. Я бахаю и стучу своим чемоданом, волоча его по ступеням крыльца. Укрывшись от дождя на огромной веранде, опоясывающей весь дом, я решаю снять пальто. Незачем тащить за собой грязь. Я разуваясь у входной двери и бросаю тут же свою шляпку. Джинсы я снять не могу. Им придется пойти со мной.

Я толкаю большую деревянную дверь с бронзовым дверным молотком в виде яблока и захожу внутрь. Все это – как шагнуть в прошлое. Первое, что я замечаю, запах. На плите томятся палочки корицы. Это осенняя традиция. Я вдыхаю аромат, который навевает на меня немного грусти и много радости. На моих губах расцветает улыбка.

Следующим я замечаю храпящего Пампкина. Это мопс, которого мама забрала из Общества защиты животных Харвест-Холлоу, когда он был еще щенком. Он пухленький, и у него, как и у всех мопсов, проблемы с дыханием, поэтому Пампкина всегда сопровождает свистящий звук, и бедный пес не может ни к кому подкрасться. Он одет в неизменный оранжевый комбинезон. Это пижама для собак, которую мама однажды натянула на него забавы ради. Однако она и представить не могла, как Пампкину понравится ходить в одежде. В первый раз, когда мама хотела снять с него комбинезон, мопс протестующе зарычал. Пришлось купить

вторую оранжевую пижаму и сразу же одевать в нее Пампкина, как только первая отправляется в стирку. Но мопс все равно сидит возле стиральной машинки и сушилки и ждет, когда его любимая пижама вернется. Как он отличает ее от другой – остается только гадать. Это немного пугает. Пампкин вразвалочку топает ко мне и смотрит снизу вверх, высунав язык. На его маленькой круглой мордочке сияет довольное выражение.

– Рада тебя видеть, мопс, – говорю я.

Пампкин дважды лает, и я приседаю на корточки, чтобы потрепать его по короткой толстенькой шее. Ему это нравится... К тому же, если его не погладить, он и дальше будет лаять. Меня всегда умиляет его пороссячий хвостик. Он торчит так, будто Пампкину лень его держать, и это однозначно выглядит мило.

– Элли! Это ты? – доносится от стойки регистрации звонкий голос.

Я смотрю в ту сторону и вижу Шарлотту Паркер.

– Привет, Шарлотта, – отвечаю я, помахав ей. – Ты красавица.

И это правда. Ее длинные темные волосы собраны в высокий хвост, густые черные ресницы подчеркивают темно-карие глаза. Она очаровательно моргает, глядя на меня. На ее лице всегда цветет улыбка, и нынешний день не исключение. Обычно я не доверяю вечно счастливым людям, но после сегодняшнего сияние Шарлотты меня радует.

Я поднимаюсь и иду к стойке регистрации, а Пампкин в его оранжевой пижаме топает за мной.

– Что ты тут делаешь? – спрашиваю я.

– Твоя мама не рассказывала, что я теперь работаю в гостинице? – спрашивает Шарлотта, и ее улыбка становится еще шире.

– Должно быть, рассказывала, – я небрежно машу рукой.

Нет смысла просить кого-то в Харвест-Холлоу звать меня Элеонор. Они не станут – такой у них пунктик. В этом городке детские прозвища не забываются, как сказала мне однажды миссис Лоуренс в автокинотеатре, когда я попыталась ее поправить.

– Ну вот. – Шарлотта разводит руками над стойкой. – Большинство дней я тут. И в среду вечером, когда твои родители заняты бинго.

– Как идет бизнес? – спрашиваю я из вежливости.

На ее лице мелькает странное выражение.

– Все... в порядке...

– Правда? – киваю я. – Много броней? Есть двенадцать на сегодня?

В гостинице всего двадцать номеров, и шестьдесят процентов заполняемости – это хорошо.

– Что-то вроде того. – Шарлотта щелкает пальцами. – О, точно! Вот ключи от твоего номера. Твоя мама просила передать.

Она пододвигает мне металлический ключ с кожаным

брелоком на оранжевой ленточке. На брелоке оттиснуты белыми буквами «Пентхаус». Я качаю головой. Мама настаивает на том, чтобы использовать обычные ключи. Я тысячу раз объясняла, почему ключ-карта лучше, но они с папой отказываются.

– Люди сюда приезжают не за технологиями, Элли, – говорит мама. – Они приезжают, чтобы вернуться в прошлое. Чтобы все было просто. А ключи – это просто.

Хотела бы я вернуться в прошлое. В тот день, когда Джефф пригласил меня на обед.

«Мы всего лишь выпьем, Элеонор», – сказал он тогда. А потом начал ухаживать. Он пригласил меня на ужин, и я, несмотря на свое правило не смешивать работу с удовольствием, стала его девушкой. Мы съехались. В конце концов он украл мой блестящий проект и бросил меня.

Да уж, машина времени была бы кстати. Где ТАРДИС⁴, когда она так нужна?

Я трясую головой. Сейчас есть дела поважнее, чем мысли о дерьмовом прошлом. Например, долго лежать в горячей воде в чугунной ванне на ножках у себя в мансарде. Как объяснить маме, откуда у меня взялось свободное время, я придумаю завтра. Тогда же я подумаю, как отсюда тайком искать работу, вернуться в Нью-Йорк и отомстить Джеффу со Стивом. Ладно, может быть, всё, кроме последнего. Когда люди

⁴ ТАРДИС (*англ.* TARDIS – Time And Relative Dimension(s) In Space) – машина времени и космический корабль из британского телесериала «Доктор Кто».

перестают мечтать о мести после плохого расставания?

Я обдумаю все завтра. А сейчас я замерзла, измучилась и перепачкалась в грязи.

– Спасибо, – говорю я Шарлотте, забирая огромный ключ. – Я, пожалуй... пойду через второй вход? – Я показываю на дверь квартиры родителей за стойкой регистрации. У мансарды есть два входа: один вверх по лестнице в родительской квартире; второй через неприметную дверь с улицы. Ключ подходит к обоим замкам, и я не собираюсь снова выходить под дождь, особенно к Мисс Гвин, которая рыщет там, как акула.

– Конечно! – говорит Шарлотта, открывая половинку «ковбойской» распашной двери, ведущей за стойку.

Волоча за собой чемодан, я захожу домой к маме и папе. Запах здесь сильнее, потому что мама томит корицу на своей кухне. Она вечно оставляет кастрюлю на медленном огне, совершенно не беспокоясь о пожаре, хотя мистер Пейтон, начальник пожарной охраны, постоянно уговаривает маму так не делать.

Воспоминания, которые хранит этот дом, вызывают у меня улыбку. Вот мы с мамой печем сахарное печенье с яблоками. Как обычно, делаем яблочные пончики. Или вырезаем тыквы к Хеллоуину, или мама что-то сажает.

Я иду через гостиную к лестнице на мансарду. Мой уголок находится на четвертом этаже. Все это время я тащу за собой чемодан. Он огромный и набит большей частью моих вещей.

Хороших вещей. Оставлять их было бы слишком рискованно. Предатель Джефф всё сожжет или отдаст своей новой девушке, которая, думаю, скоро переедет к нему. Козел.

Пока я поднимаюсь по лестнице, у меня сбивается дыхание — мои сетования наверняка слышала вся гостиница. Я обещаю себе быть тише, когда поеду обратно. Нужно будет попросить Донни о помощи и проследить, чтобы отъезд не выпал на вечер бинго.

Я придерживаю чемодан, который поставила на ступеньку ниже, и пытаюсь достать этот большой ключ. Когда мне наконец удастся, я тыкаю его туда, где *должна быть* замочная скважина. В темноте ни зги не видно, поэтому я стараюсь нащупать отверстие, но у меня не получается. Я ковыряюсь так долго, что мне становится стыдно. У меня два диплома по маркетингу и бизнесу Колумбийского университета в Нью-Йорке, а я не могу справиться со старыми ключом и замком. Это, как я понимаю, вишенка на тортик моего паршивого дня?

— Ладно! Ладно! — раздаётся из-за двери низкий мужской голос. — Иду.

У меня примерно две секунды, чтобы осознать происходящее, а потом деревянная дверь распахивается, и передо мной появляется полуголый мужчина в белом полотенце на бедрах.

У меня отвисает челюсть. Это не просто какой-то полуголый мужик. Это *сверхгорячий полуголый мужчина*. Мужчина

с телом Адониса. Мужчина с идеальным прессом из шести кубиков. Такой пресс должен быть запрещен законом или хотя бы не возникать вот так без предупреждения. Я с трудом поднимаю взгляд. Завитки мокрых темных волос падают на его карие глаза. Он хмуро смотрит на меня.

– Элли? – говорит он. – *Ты* что тут делаешь?

Элли? Он меня знает?

Я сглатываю. Я виделась с Адонисом? Я бы помнила об этом. Или у меня деменция?

Когда я вглядываюсь в его лицо, он убирает волосы назад, и, ох черт, я его знаю. Я определенно знаю, кто он такой. Мы *действительно* с ним виделись. Просто не пересекались *какое-то время*, и тогда он выглядел по-другому. Я в этом уверена. *На сто процентов уверена.*

Горячий красавец передо мной не кто иной, как Эйден Паркер. Святая Матерь Божия, как же он изменился.

Глава 3

– Эйден Паркер! – я выкрикиваю его имя, как будто а) он сам не знает, как его зовут, б) он плохо слышит. И то и другое – идиотизм.

Он переступает с ноги на ногу, продолжая придерживать и дверь, и то самое полотенце на бедрах. Я не свожу глаз с его лица, потому что, клянусь, *не могу* я смотреть на эту дорожку волос на рельефном животе, которая исчезает под полотенцем. Я хочу. Но сейчас, после того как я поняла, на кого смотрю, это кажется... неправильным. Раньше мы с Эйденем играли в прятки, а сейчас... я прижимаю ладонь к го-

рящей щеке.

Я трясую головой и прочищаю горло.

– Эйден, что ты здесь делаешь?

Вот. Это хороший вопрос. Особенно учитывая, что он находится в номере, где какое-то время должна жить я.

– Разве тебе негде жить?

Я все еще стою на ступеньке ниже, одной рукой держа чемодан позади себя. Мне приходится задира́ть голову, чтобы посмотреть на него. Я стараюсь говорить непринужденно, будто мы столкнулись в магазине и я не прилагаю всю силу воли, чтобы не смотреть на эту дорожку волос внизу его живота. И не думать о ней.

– Войдешь? – спрашивает он, словно стоять в одном полотенце и приглашать другого человека в дом – обычное дело.

Однако да. Да, я хочу войти. Я намерена сегодня спать здесь, тем более что это моя мансарда. Кто владелец, тот и прав. И даже если это не так, я все равно буду на этом настаивать.

Я, кряхтя, пытаюсь втащить чемодан наверх, когда Эйден, коснувшись моего плеча, выходит на лестницу. Одной рукой он придерживает край полотенца, которое точно будет *преследовать меня во снах*, а второй с легкостью поднимает тяжелый чемодан – и все это в доли секунды. Я тяжело выдыхаю, будто *сама* одним махом закинула пятьдесят фунтов⁵ одежды через три ступеньки.

⁵ 22,68 кг.

– Спасибо, – говорю я, делая шаг вперед.

Во-первых, обалдеть: он высокий, реально очень высокий.

Во-вторых, обалдеть в квадрате: *его плечи*. Наблюдать за тем, как напрягались его мышцы, было... что-то с чем-то.

Эйден закрыл дверь.

– Секунду, – говорит он. – Я накину что-нибудь.

Или нет. Ты можешь остаться в полотенце. Меня все устраивает. Я не буду возражать.

Я чешу затылок в надежде избавиться от подобных мыслей. Что произошло? Почему Эйден Паркер в доме мамы и папы, да еще и в одном полотенце? Когда он успел так вырасти и стать таким горячим? И самое главное, почему мама, рассказывая обо всем подряд, забыла упомянуть об этих изменениях?

Мы с Эйденем росли вместе – бегали по ферме, помогали родителям. Когда мы перешли в старшую школу, все резко изменилось. Я была душой компании, а Эйден – одиноким занудой. Я была занята учебой и дополнительными занятиями, а Эйден... даже не знаю... работой по дереву и ворчанием? Он все больше времени проводил с отцом, ухаживая за яблонями в саду, и все меньше – в фермерском магазинчике или гостинице, так что мы просто... отдалились друг от друга. Потом я уехала учиться и за несколько лет видела его всего пару раз. Это определенно наша первая встреча за последние четыре года и точно первый раз, когда я вижу Эйдена в одном полотенце.

Я ломаю голову, пытаюсь вспомнить все или *хоть что-нибудь* из того, что мама рассказывала про Эйдена. Он окончил колледж, логично. Где? Я не знаю. Черт. И почему я не слушала внимательнее? Он вернулся в Харвест-Холлоу. Мама что-то говорила о том, где он живет? Я могла просто подумать. Но не мог же он жить все это время здесь. Мама бы не отправила меня сюда, если бы в мансарде кто-то остановился.

Боже мой. У мамы деменция? По телефону ее голос звучал бодро, но ведь деменция коварна. Сначала она то появляется, то исчезает. А что, если мама уже годами потихоньку сдает, а я ничего не замечала, потому что слушала ее вполуха? Я плохая дочь. Нам нужно найти ей хорошего врача. Срочно.

Шорох из самой большой комнаты отвлекает меня от планов лечения моей очевидно больной матери. Эйден выходит обратно – в одних шортах. Отлично. Получается, что его грудь все еще прекрасно видна. Фантастика. Он вытирает голову полотенцем. До этого момента я и не знала, что меня заводят мужчины, небрежно вытирающие свои влажные волосы.

– Привет, – говорит Эйден, ухмыляясь так, будто я забежала одолжить стакан сахара. В этом городке соседи так и поступают. Я пытаюсь представить, как прошу у соседей в Бруклине соль. Думаю, они бы вызвали копов.

– Ну так вот, да. У меня есть дом, – продолжает Эйден,

и я забываю о том, каково одалживать что бы то ни было в Бруклине, – но на этой неделе там прорвало трубу. Сантехники придут, как только закончат работать в Лосином домике. Пока что у меня дома потоп.

– И ты остановился здесь? – мой голос дает петуха, и я тыкаю пальцем в пол, если вдруг было непонятно, где именно «здесь». Наверное, это грубо, но я устала, мне нужны ванна и кровать, причем именно в такой последовательности. А тут еще и Эйден, похожий на модель нижнего белья. Это отвлекает.

– Ага, мама спрашивала у Люси в субботу. Тогда же я и заехал.

Люси – это моя мама, и сейчас я еще больше обеспокоена ее состоянием: она забыла, что на прошлой неделе отдала Эйдену ключ. И как, черт возьми, Шарлотта это упустила? Она должна была заметить, что второго ключа нет на месте. Тем более что от каждой комнаты есть два ключа. Так было всегда.

– Только не говори, – начинает Эйден, покусывая губу так, что я впервые в жизни завидую губам, он будто одновременно дергает и прикусывает ее, обнажая идеальные белоснежные зубы, – что ты тоже собиралась тут остановиться.

– Собиралась, – говорю я, стоя без обуви, с чемоданом и ключом в руках, как настоящий капитан Очевидность. А еще я слишком усердно киваю, будто это поможет разрядить обстановку. Я все это чувствую, понимаю, но не могу остано-

виться.

– Тебе досталось от Мисс Гвин? – спрашивает Эйден, приподняв бровь и окинув взглядом мои ноги.

Я смотрю на свои грязные джинсы и с трудом удерживаюсь, чтобы не застонать вслух.

– Да, – снова очевидный ответ, которым я не горжусь.

– Она довольно коварная, – говорит Эйден.

– Коварнейшая. Коварнейшая среди коз, – объявляю я.

Хорошо, это было глупо. При этом я продолжаю кивать. Хотя это кажется более вежливым, чем: «Ты не планируешь поскорее съехать? Я не то чтобы искала соседа». Он же может пойти к своим родителям, так ведь? У них большой дом на другом конце фермы, и там много спален. А я не могу спать внизу. Много лет назад мама превратила мою комнату в свою мастерскую, и в ней полным-полно пряжи. Пряжа, швейные машинки, вязальные крючки, еще, наверное, какие-то принадлежности для лоскутного шитья и жуткая коллекция кукол – всё как у помешанной. Кажется, даже плюшевые медведи. Словом, я там не останусь. Даже если где-нибудь найдется надувной матрас, я не смогу заснуть под взглядами этих кукол. И да, это гостиница *моих* родителей, а это *моя мансарда*, в которой я могу жить, когда приезжаю. И только потому, что я никогда не приезжаю... Уф-ф-ф... Я понимаю, почему Паркеры решили, что Эйден может пожить здесь. Они не могли знать, что я, которая отсутствовала все эти годы, заявлюсь сюда в случайную среду после того,

как меня бросили и уволили.

– Надолго ты приехала? – сразу спрашивает Эйден, пристально глядя на меня.

Полотенце остается у него на плече. Он старается звучать естественно, но его голос становится *выше*. Вижу, он надеется, что я тут всего на *ночь*. Это написано у него на лице – на точеном, красивом лице. Мне всегда нравились высокие привлекательные brunettes вроде Эйдена. Он идеальный. Но то, что Эйден горяч, не решит проблему, поэтому я прикусываю губу и отвечаю на его вопрос:

– Я не знаю. Где-то на пару недель. – Я пожимаю плечами и развожу руками, чтобы смягчить удар.

Он вытаращил глаза, будто я сказала, что уволилась с работы, чтобы стать охотницей за головами или что-то типа этого.

– На пару недель?

Недоверие в его голосе меня задевает. Да, меня долго не было дома, но неужели это *настолько* удивительно, что я ни с того ни с сего приехала на две недели?

– Вообще-то да.

Это я тут лишняя. Не Эйден.

– Так, э-э, у тебя есть еще место, где ты могла бы остановиться? – спрашивает Эйден. Он уже не кусает свою губу, а хмурится. Но у него на лице искреннее сочувствие, не то что у Стива сегодня утром. Лицо Эйдена выражает что-то вроде «я-знаю-у-нас-проблема-и-она-закончится-моим-выселе-

нием».

– Мама сделала в моей комнате мастерскую, – объявляю я, драматично пожимая плечами, будто это все объясняет.

Я постукиваю по подбородку, будто мне в голову пришла новая идея.

– Что насчет дома твоих родителей? – Вот так. Я с удовольствием перебрасываю мяч на его сторону поля.

– Я не могу остаться там, – фыркает он и укрывает полотенцем оба плеча, потянув за края.

Мышцы на его груди напрягаются – а она все еще голая. Я только что проверила – никаких изменений.

– Я пытался пожить с ними летом после первого курса. Этого было достаточно, чтобы понять: мы с отцом поубиваем друг друга в первые же сутки.

Я киваю: справедливо, и я его понимаю. Мне можно не объяснять, как тяжело жить с родителями, будучи взрослым. Не знаю, есть ли у Паркеров полка с жуткими куклами, но я во время учебы старалась каждое лето оставаться на стажировку в городе. Однажды мне пришлось жить в Куинсе, в доме без лифта на пятом этаже с пятью соседями, и это все равно было лучше кукол.

Я показываю большим пальцем на дверь.

– Наверное, я бы могла пойти и спросить Шарлотту, есть ли свободные комнаты, или...

Я, конечно, веду себя пассивно-агрессивно, но если кто должен идти и спрашивать Шарлотту насчет комнаты, так

это Эйден. Он должен понимать это и удержать меня от самоотверженного поступка.

Я жду, что он прервет меня, однако он выдает:

– Слушай, тут же две комнаты. Почему бы нам не разделить мансарду?

Разделить? Я хлопаю глазами. *Разделить?* Я единственный ребенок в семье. Такие, как мы, не делятся. Та квартира в Куинсе не в счет, это была острая необходимость, и мне тогда было девятнадцать. Сейчас – двадцать девять. Но если я не останусь здесь, то куда я пойду?

– Мои вещи в большой комнате, но могу перенести их в маленькую, – добавляет Эйден, повернувшись к спальне, как будто вопрос решен.

Он и правда думает, что мы можем жить здесь вместе. Для него это как будто сущие пустяки.

Я наклоняю голову, глядя ему в спину, как сбитый с толку щенок. Последние два года я жила с Джеффом. У нас были отдельные ящики в ванной и отдельные полки в шкафу, предусмотренные еще до того, как я наняла грузчиков для переезда. Но Джефф был моим парнем и единственным мужчиной, с которым я жила. Остаться здесь с Эйденом кажется странным. Интимным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.